

НЕ ДУМАЙ О МИНУВШЕМ СВЫСОКА...

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА СТЕЦЕНКО

Двадцать лет назад, 5 июля 1985 года из жизни ушел человек, с которым было связано много хорошего в жизни нашего города и многих его жителей. Да, рискуя нарваться на яростное осуждение со стороны тех, кто без разбора сбрасывает в костер революций и реформ все, что было раньше, я никогда не соглашусь, что при "прежнем режиме" не было ничего и никого хорошего. Как, впрочем, и при любом режиме. Жизнь-то всегда продолжается, людей, созданных самой природой для того, чтобы создавать, все же намного больше, чем прирожденных разрушителей (пусть даже разрушителей плохого, старого). А тех, кого в наше время назвали диссидентами, их и вовсе было меньшинство. Героев, готовых вступить в единоборство с драконом, — единицы. А в своей массе люди живут, приспосабливаются к условиям и занимаются тем, на что у них хватает способностей. Бездари, если они при этом наделены честолюбием и лишены элементарных понятий о нравственности, приспосабливаясь, пускают в ход то, что у них есть, — подлость, демагогию, интриги, уничтожая тех, кто им мешает, если место, до которого им удалось доползти, позволяет делать это... Люди же одаренные — будь то талант физика или организатора — стремятся реализовать, зачастую при этом обманывая себя же, оправдывая высокими целями беззакония режима, которому служат... В общем, долгий это разговор — о том, как и почему хорошие люди служат плохой власти. И пора бы уже усвоить это нам, которых так долго кормили историей, "освобожденной" от многих лучших ее творцов, потому что они служили ужасному "царскому режиму". А что и в советские времена на высоких партийных постах встречались люди честные, "с человеческого лицом" — можно доказывать как раз на примере секретаря Одесского горкома компартии Евгения Ивановича Стеценко.

Он умер от тяжелой сердечной болезни через пять месяцев после своего пятидесятилетия. Его близкие и те, кто знал о некоторых подробностях последних лет его жизни, уверены: его убила Афганистан. Хотя со времени его афганской "командировки" прошло три года. Конечно, мне известны не все подробности, в те времена во внутреннюю жизнь здания на Куликовом поле журналистов газет (партийных газет) не очень-то допускали. Но кажется мне, что не слишком гладкими были у Евгения Ивановича отношения с некоторыми лицами из вышестоящего партийного руководства, во всяком случае, не таким уж "родным человеком" он у них был, раз афганский выбор пал на него. Говорят, что на ту должность в Афганистан (партийного советника или консультанта) послали секретарей по идеологии из обкома партии, но когда разнарядка из Москвы пришла в Одессу, ехать велели Стеценко.

"Ты не волнуйся, — успокаивал он меня, — вспоминает его жена Сусанна Васильевна Стеценко. — В Москве наверняка будет медкомиссия, и меня наверняка не пропустят". В Одессе документы подготовили быстро, без медицинской справки. Хотя в те времена, чтобы выехать в любую заграничную командировку, и парторганизаторов, и журналистов гоняли по всем кабинетам "лечсанупра" (обкомовской поликлиники), и в справке конкретно указывалось: состояние здоровья позволяет выехать в такую-то страну, на такой-то срок... Здесь справку не потребовали, а сам он по своему характеру просто не мог напомнить о том, что до этого у него уже были тяжелые приступы стенокардии. В Москве медкомиссии не было, почему-то никто не обратил внимания и на отсутствие справки. Все было сделано в режиме экстренной замены.

С февраля 1981 года по май 1982-го длилась эта "служебная командировка", пока не свалил его тяжелейший инфаркт. Самолетом его вывезли в Ташкент, дальше транспортировка была противопоказана, спасали в реанимации в тамошнем госпитале, в Одессу доставили спустя месяцы, и еще долго продолжалось лечение. А затем — снова возвращение в свой кабинет в горком партии, работа, которой он отдавал все свои сердечные силы.

Помню его приход в редакцию впервые после Афганистана, его рассказ о жизни в Кандагаре, о поездках на бронетранспортерах "в народ", о переговорах с "красными муллами", о гибели работавшего рядом с ним "комсомольского советника" (его выкрали и потом подкинули отрезанную голову)... Он ведь работал даже не с нашим "ограниченным контингентом" (хотя о потерях среди наших ребят узнал не понаслышке), работал с "афганскими друзьями", агитировал их через переводчика (главное было — на чью сторону станет местный мулла). Понятно, что и здоровому сердцу непросто вынести такую работу... А догнал его Афганистан в феврале 1985-го.

В феврале восьмидесят пятого были выборы в Верховный и местные советы. Всем понятно, что в те времена это была чистая формальность — все равно все проголосуют "как надо", в списках ровно столько кандидатов, сколько должно быть избрано, явка все равно будет оглашена — где-то в районе 99 процентов... Выборы именовали "праздником советской демократии", все шло под оркестры, концерты и буфеты на избирательных участках. (Многие именно из-за буфетов спешили прийти на участок пораньше — там можно было купить, например, дефицитные апельсины и т. п.) Все верно: кроме красивой формы, от демократии там было мало что. Но в том-то и дело, что форма эта была возведена в культ, все, что на виду, должно было идеально отработано. Поэтому праздник этот был не для всех. Для тех, кто отвечал за проведение выборов и подведение их итогов, был тяжкий труд и нервные стрессы.

Самым страшным для партийных властей был отказ избирателя голосовать, особенно если речь шла о целом доме или микрорайоне. Это была одна из немногих в те годы легальная форма протеста: жильцы дома, доведенные до отчаяния отсутствием воды или тепла, заявляли заранее, что голосовать не пойдут. (Кстати, нередко им удавалось таким способом решить свои проблемы.) И начиналась пляска вокруг этих людей, и шли угрозы из Киева-Москвы: если не обеспечите — готовыте партбилеты. А тут в отказниках грозил оказаться целый спальный район — поселок Котовского, переживавший тяжкую зиму с отключениями тепла, страдающий из-за транспортных трудностей. А Евгений Иванович возглавлял городскую избирательную комиссию. Очевидно, немало усилий потребовалось, чтобы кого-то заставить сделать для людей то, что можно, кого-то из них уговорить поверить, что вопрос будет решен... Он дневал и ночевал в избирком, ежедневно выезжал на встречи с избирателями.

Его усталость и болезненное состояние на финише выборов нельзя было не заметить. Сусанна Васильевна вспоминает, что уговаривала его на следующий день вызвать врача, не ходить на работу, но он сказал, что не может не пойти на бюро обкома, где будут слушать "вопрос Владыченко"...

История Георгия Владыченко — драма загубленной партийной номенклатурой жизни. Неординарная личность, замечательный ректор строительного института, сделавший так много для своего вуза и для города, он был кому-то неугоден, и с ним расправились, найдя

совершенно надуманный повод. Евгений Иванович пытался его отстоять. Кстати, на том бюро предложение исключить Владыченко из партии (что служило сигналом для окончательной расправы) не прошло, уничтожили его позже...

А к Стеценко в тот же вечер вызвали "скорую", и долгие месяцы врачи боролись за его жизнь, но надежды становились все меньше... Поверить в его смерть было невозможно, он был таким живым, таким неотделимым от нашей жизни. Хоронила его "вся Одесса"...

...А первый раз я увидела его на университетской сцене. Шел фестиваль "Студенческая весна", факультеты представляли самое лучшее из своей самодеятельности. Третьекурсник истфака Женя Стеценко играл в спектакле по пьесе Виктора Гусева "Московская весна"... секретаря парткома исторического факультета МГУ. Он замечательно играл влюбленного, правдолюбивого, переживающего разочарование и отважно защищающего истину партийного работника. Когда спустя годы я встретилась с ним — уже в роли настоящего комсомольского, потом партийного работника (секретаря обкома комсомола, секретаря Центрального райкома партии и, наконец, секретаря горкома) — почему-то все время вспоминала эту его студенческую роль. Мне казалось, что он так вжился в нее, что перенес в далекую от идеала жизнь идеализированный литературный образ и, как бы не замечая жизненных несоответствий, следовал его логике. Иначе мне трудно было объяснить, почему этот талантливый, тонкий, обаятельный любимец университета избрал для себя путь партийного чиновника. Но слово "чиновник" не клеится к нему.

В нем было то, что нынче модно называть харизмой. "Исключительная одаренность, высокий авторитет, базирующийся на умении подчинять других своей воле", — так толкуют этот термин словари. И опять же, слово "подчинять" не подходит к его характеристике. Скорее это была способность располагать к себе людей, врожденная чуткость и доброжелательность, развитое чувство справедливости.

Нам, "вечерникам", просто повезло, когда через год после создания газеты Евгений Иванович Стеценко стал секретарем горкома партии и партийным куратором "Вечерней Одессы". С редактором Борисом Федоровичем Деревянко их связывали доверительные, дружеские отношения, не имеющие ничего общего с фамильярностью и "междусобойчиками". Часами могли обсуждать они городские и газетные проблемы, спорить, находить решения, в конце концов, как записал в своем дневнике Борис Федорович, "заряжаться информацией". Думается, эти такие разные личности многое дали друг другу. Главное же, что сделал Стеценко для городской газеты, — признал за ней право на весьма широкую по тем временам самостоятельность и сумел отстоять и сохранить во многих критических ситуациях и ее редактора, и журналистские кадры.

В том, что ни один наш журналист не был уволен по причине "нехорошей анкеты", ни над одним не учинили расправу за критические выступления, — безусловная заслуга Евгения Ивановича. А ведь как хотелось многим партийным руководителям разогнать эту редакцию, причиняющую столько беспокойства. И повод был: в редакции партийной газеты большинство журналистов были беспартийными, а многие и с "пятой графой", да еще без специального журналистского образования...

Только Евгений Иванович смог добиться, чтобы почти всех наших беспартийных приняли в партию, даже фельетонистов Диму Романова и Семю Лившина, даже не вписывающегося ни

в какую партийную форму Пашу Шевцова и даже дважды разведенную нашу красавицу Юлию Женевскую... Вот только с Женей Голубовским это "очленивание" проделать не удалось. "О нем больше мне не говори, — сказал Стеценко. — Работает, ну и скажите спасибо. Там, на Бебеля, на него столько насобирали..." И то правда: Женя явно был "замечен в компрометирующих связях" (а сколько замечательных произведений из запрещенной литературы узнали все мы благодаря этим его связям!). А еще не могли "кураторы" с улицы Бебеля (областное КГБ) забыть Голубовскому его студенческий грех: это он открыл нам всем глаза на импрессионизм, организовав публичный диспут на эту гуманитарную тему в политехническом институте...

И не нужно осуждать сегодня всех, кто тогда в эту партию поступал: таково было условие работы в газете, а для них эта работа была уже жизнью. И сделали они на этом поприще немало, ведь не зря же страдальцы по рухнувшей советской системе и замечательной нашей империи еще долго обвиняли этих проклятых журналистов, которые во всем виноваты... А газеты ведь тогда все были партийными, и отстаивать право на собственное слово было потруднее, чем нынче. Даже в отношениях с нашим добрым куратором не всегда все было гладко. Но! Он мог (очень редко) попросить показать ему готовящийся к печати материал ("герои" будущих публикаций частенько обращались к нему за защитой), но никогда не разговаривал с редактором в приказном порядке, не навязывал своих решений.

Помню один показательный эпизод. Был подготовлен фельетон о беззакониях, творимых одним руководителем культурного учреждения. Тот побежал к Стеценко. Евгений Иванович позвонил Деревянко: что вы там против него готовите? Поговорили, очевидно, весьма резко, потому что Борис Федорович с фельетоном к нему не поехал сам, а послал меня. Стеценко прочел материал при мне и сказал: "Передай, что я против того, чтобы это печатать". Но фельетон был напечатан, наделал много шума, кстати, позже по этому же "герою" было выступление в "Правде", после чего от руководства его все же отстранили. А тогда было даже некое злорадство коллег Евгения Ивановича из обкома: "Мы же знаем, что Стеценко был против, как же это вы с ним не посчитались?". (В подтексте: как пошли против "своего" Стеценко?) Но со стороны Стеценко ничего похожего на месть не было, хотя обиду, конечно, пережил.

Позже, когда его не стало, Деревянко вспомнил этот эпизод с болью и чувством вины: мол, не стоило все это того, чтобы лишний раз надирать его больное сердце... Но кто сегодня может объективно оценить, что стоило и что не стоило принесенных жертв?..

На что же уходило силы и время у секретаря горкома партии Стеценко в те далекие годы? Вспоминает Татьяна Андреевна Овчаренко, бывшая тогда

заместителем председателя горисполкома. Да и я многое помню, потому что газета тоже в этом участвовала, и не только "освещающая событие" — было такое понятие, входившее разделом в редакционные планы: организаторская работа газеты. Так вот, были это новые детские музыкальные школы, организованные в каждом районе новостроек; новые детские художественные школы; была каждый год новая средняя школа и один-два новых детских садика... А еще — детские клубы по месту жительства, а еще молодежный клуб "Поиск". Были студенческие фестивали, возобновленная "Юморина"... Во все это нужно было вложить частичку своей души, нужно было найти энтузиастов на местах, убедить в необходимости в центре — министерство, ЦК, изыскать помещения, средства, найти среди промышленных предприятий шефов для школ (тогда предприятия "спонсор" не было, называлось это шефством)... И главное — постоянное общение с людьми, которые шли к нему с надеждой на понимание, поддержку, защиту. Ведь в его ведении были культура с ее творческими коллективами и творческими союзами, образование, здравоохранение... Татьяна Андреевна вспоминает, как умел Стеценко поддержать человека в трудное для того время, что называется, подставить свое плечо — говорит, на себе это испытала.

Он был теплым человеком и дарил это тепло людям щедро и не жалея себя. Был любящим мужем и отцом (Сусанна Васильевна хранит его письма из Афганистана, которые он писал через день при любых условиях, и только по почерку можно было догадаться о его состоянии).

...Тем, кто ушел из жизни, не дожив до наших великих перемен, я часто мысленно задаю вопрос: какими бы вы стали сейчас, что поняли бы и что приняли бы из происходящего? С кем были бы? И ответить за них не могу. Люди (из бывших руководителей) так по-разному и порой так неожиданно проявили себя в новых условиях... Но в одном я почему-то уверена: Евгений Иванович Стеценко ни при каких условиях не преступил бы границы, отделяющей добро от зла, он не потерял бы себя в пучинах приватизаций и революций. И отчитываясь перед сегодняшним поколением в своей жизни, ему нечего было бы стыдиться. Кто знает, о многих ли сегодняшних "функционерах" спустя два десятилетия вспомнят так же тепло и с благодарностью, как о нем. О ком-то, безусловно, вспомнят — как бы ни оценила история с высоты своих времен нынешнее время. Ведь в любой идеологии каждый ее апологет возьмет только то, что соответствует его человеческой сущности. Вот почему так важно, чтобы жизнью нашей руководила не идеология, а законы, одни для всех в едином государстве. Только пока что слабу у нас это получается.

Людмила ГИПФРИХ.